

УДК 94(47).05+(560)

DOI: 10.22378/kio.2023.2.10-28

Русско-турецкие официальные контакты в Приазовье летом 1699 г. (к предыстории миссии чрезвычайного посланника Е.И. Украинцева)

Петр Аваков

Федеральный исследовательский центр

Южный научный центр Российской академии наук

Аннотация. В статье исследуются официальные контакты между Российским царством и Османской империей в Приазовье во время подготовки посольства Е.И. Украинцева в Константинополь в 1699 г. Стороны представляли чиновники, не имевшие дипломатического статуса: прибывший в Азов адмирал Ф.А. Головин и находившийся в Керчи кафинский бейлербей Татар Муртаза-паша. В организации коммуникации между ними, в рамках так называемой пограничной дипломатии, участвовал азовский воевода. Благоприятным фоном для развития двусторонних связей на местном уровне послужило установившееся в 1699 г. Карловицкое перемирие и обоюдная надежда сторон на заключение долгосрочного мира. Показано, что во многом благодаря успешно проведенным переговорам, в том числе через посланцев и посредством переписки, адмиралу и бейлербею удалось организовать временное пребывание в Керченском проливе эскадры Азовского флота и отправку царского посланника в Константинополь на российском военном корабле. Источниковую базу исследования составили, главным образом, архивные документы, часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: русско-турецкие отношения, Карловицкое перемирие 1699 г., Азов, Керчь, Кафинский эйялет, Ф.А. Головин

Для цитирования: Аваков П.А. Русско-турецкие официальные контакты в Приазовье летом 1699 г. (к предыстории миссии чрезвычайного посланника Е.И. Украинцева) // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 2. С. 10–28. DOI: 10.22378/kio.2023.2.10-28

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания ЮНЦ РАН на 2023 г. (проект «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)», № 122020100347-2).

Заключенное 14 января 1699 г.¹ сроком на два года Карловицкое перемирие хотя и завершило начавшуюся в 1686 г. войну между Российским царством и Османской империей [19, № 258; 1, с. 296–297], но не принесло прочного мира на общие границы обеих стран. Традиционно высокий конфликтогенный потенциал пограничных сообществ, чьи модели сосуществования с трудом поддавались государственному регулированию, чрезвычайно осложняли обстановку в Северо-Восточном Приазовье. Вместе с тем, взаимная заинтересованность руководства соседствующих регионов Османской империи (в том числе Крымского ханства) и России в стабилизации существующего положения и налаживании международной торговли способствовали развитию в регионе пограничной дипломатии, механизмы которой не были оговорены в Карловицком договоре. Первые шаги в этом направлении сделали азовский воевода боярин князь Алексей Петрович Прозоровский, кафинский бейлербей Татар Муртаза-паша² и калга-султан Шахбаз-Гирей – брат крымского хана Девлет-Гирея II, находившийся тогда на Северо-Западном Кавказе. Ранее автор этих строк пришел к выводу, что инициатива в налаживании таких контактов принадлежала калге-султану и кафинскому бейлерею [3, с. 8–10]. Недавно изученные документы позволяют отдать пальму первенства азовскому воеводе, сыгравшему в данном процессе не менее важную роль.

---

¹ Здесь и далее все даты приводятся по Юлианскому календарю («старому стилю»).

² Личное прозвище Муртаза-паши, говорящее о его крымскотатарском происхождении, в русскоязычных источниках не упоминается, но фигурирует в османской хронике Силахдара Фындыклылы Мехмед-аги «Книга побед». Согласно ей, он был назначен бейлербеєм Кафинского эйялета 14 рамадана 1106 г.х., то есть 17 апреля 1695 г. [22, с. 98]. Вероятно, это было его повторное назначение на эту должность. Еще в декабре 1686 г. донской войсковой атаман Фрол Минаев сообщил на допросе в Посольском приказе, что вместе с 12-тысячным крымским войском для охраны Азова прибыл «кафинской Муртаза-паша» [Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 111, оп. 1, 1686 г., д. 19, л. 15].

Благоприятным фоном для активизации пограничной дипломатии послужила подготовка сторон к переговорам о долгосрочном мире, предусмотренным Карловицким договором. 2 апреля 1699 г. эта миссия была поручена Петром I чрезвычайному и полномочному посланнику, думному советнику Емельяну Игнатьевичу Украинцеву. Чтобы сделать его переговорную позицию более убедительной и одновременно заявить на международном уровне о превращении России в морскую державу, царь решил прибегнуть к демонстрации и отправить дипломата в Константинополь морем, на военном корабле. Согласно плану, от Азова до Керчи его должна была сопровождать эскадра Азовского флота под командованием ближнего боярина и адмирала Федора Алексеевича Головина [19, с. 287–291; 4, с. 47–50].

История посольства в Османскую империю Е.И. Украинцева 1699–1700 гг., которое по праву считается важной вехой в развитии русско-турецких отношений, привлекает исследователей довольно давно. М.М. Богословский посвятил миссии целый том своей неоконченной фундаментальной эпопеи о Петре I [5]. Данное исследование, основанное на обширной источниковой базе, до сих пор не утратило своего значения в качестве сводки богатого фактического материала. Можно утверждать, что за 75 лет, прошедшие со времен издания тома, историки не написали на эту тему ничего принципиально нового. Ученый уделил немало внимания организационным мероприятиям, предшествовавшим и способствовавшим отправке посольства в Константинополь, в первую очередь – Керченскому походу эскадры Азовского флота [4, гл. VIII–XIV]. При этом происходившие в рамках этого подготовительного процесса летом 1699 г. в Азове и Керчи официальные (но не дипломатические) русско-турецкие контакты, осуществлявшиеся посредством переписки, через специальных посланцев и путем личного общения российского флотоводца и османского администратора, остались вне поля зрения М.М. Богословского. Настоящая статья призвана заполнить имеющийся в историографии пробел и осветить региональный аспект предыстории посольства Е.И. Украинцева сквозь призму микроисторического подхода. В этой связи уместно вспомнить высказывание Дж. Леви о том, что микроистория – это «не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [цит. по: 15, с. 193].

Итак, 24 мая 1699 г. Петр I с отрядом новых кораблей, галер, бригантин и галиотов прибыл по Дону из Воронежа в Азов, в сопровождении большой свиты высокопоставленных сановников, многие из которых уже бывали в Северо-Восточном Приазовье в 1695–1698 гг. [4, с. 56]. Началась подготовка российской военной эскадры к первому для нее морскому походу, а также оформление посольской документации – при активном участии Ф.А. Головина, имевшего немалый дипломатический опыт. Именно он вскоре выступил от имени российского правительства в общении с

представителями региональной османской администрации, несмотря на нахождение в Азове других бояр, в том числе Алексея Семеновича Шеина – воеводы Большого полка и судьи Пушкарского приказа, управлявшего Северо-Восточным Приазовьем.

8 июня азовский воевода князь А.П. Прозоровский отправил в Керчь капрала Преображенского полка Федора Молчанова, чтобы известить находившегося там кафинского бейлербея о предстоящем прибытии российского посланника. Капрала сопровождал отряд из шестидесяти донских казаков во главе со станичным атаманом Максимом Фроловичем Кумшацким, посланных туда же из Черкаска «для сыску пограбленных животов» (вероятно, крымскими татарами во время набега)³ [12, с. 436]. Вместе с ними отправился «толмач турецкого и татарского языка» поляк Андрей Филонович Миущик (Миющик), который ранее был в плену у османов⁴. К сожалению, эта миссия очень слабо задокументирована.

25 июня через нарочных Муртаза-паша сообщил князю А.П. Прозоровскому, что пятерых из числа его посланцев он отправил к крымскому хану, а после их возвращения в Керчь отпустит всех в Азов. В том же письме бейлербей поставил воеводу в известность, что в соответствии с указом султана (Мустафы II), «чиня довольство учиненному в Карловичах двухлетнему перемирию, всяким татарским и черкеским набегом под... великого государя города запретил». Кроме того, хан аналогичным образом «во всех юртах владения своего татаром о том приказал же», а Муртаза-паша отправил соответствующее известие калге-султану, который «в нагайской и в черкеской стране стоит с частью татар», чтобы он «нагайцом и черкесом для воровства и набегов под... великого государя города приходить приказал же накрепко». Османский администратор особо подчеркнул свою заинтересованность в том, «чтоб в те перемирные два года между великим государем, Его царским величеством, и салтановым величеством турецким и их государствы обновилась древняя дружба и соседство»⁵.

Свидетель этих событий вице-адмирал Корнелий Крюйс ошибочно принял гонцов Муртаза-паши за «татарское посольство от крымского хана» – вероятно потому, что они приехали из Крыма или являлись крымскими татарами⁶. В экстракте из не сохранившегося дневника флотоводца описан

---

³ РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 9а; Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 177, оп. 1, д. 14, л. 963 об.

⁴ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 9, л. 97; РГАВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 20, л. 184 об.

⁵ РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 9а–10.

⁶ Вероятно, из-за этой неточности М.М. Богословский не соотнес записи в «Экстракте из журнала...» К. Крюйса и статейном списке Е.И. Украинцева, датированные 25 июня 1699 г., и пришел к неверному выводу, что «эта миссия никако-

торжественный прием этой делегации его начальником – адмиралом Ф.А. Головиным, – состоявшийся утром 25 июня на галере при собрании старших офицеров флота. Бывалый голландский моряк подробно и образно описал необычную по европейским меркам внешность посланцев, одетых «по-козацки, или на польскую статью»: «Глаза их были так быстры, якобы морской собаки; бороду имели двойную и островатую, с немногими волосами, как индейския козлы». Через полчаса «поехали сии шпионы назад, в таком же порядке, как и приехали»⁷.

Вместе с ними Ф.А. Головин послал к Муртаза-паше с дорогими меховыми подарками донского казака Алексея Кутейникова, недавно побывавшего в Керчи в составе станицы М.Ф. Кумшацкого. По прибытии посланца сразу отвели в резиденцию бейлербея. Тот, поинтересовавшись у него здоровьем Ф.А. Головина, с благодарностью принял посланные последним соболиные меха и распорядился сделать из них шапку, затем определил А.В. Кутейникова на постой и даже разрешил ему свободно передвигаться по городу. Османский администратор попросил казака передать адмиралу, что в Керчи непрестанно ожидают приезда российского посланника, а также сообщить «о заказе крепком, которой они учинили во всех ордах, чтоб татары отнюдь ни тайной, ни явной причины к войне не давали, указе разосланы»⁸.

А.В. Кутейников вернулся в Азов с посланцем бейлербея – Джиянбай-агой, в сопровождении группы татар. 18 июля Ф.А. Головин принял турка на бударе и провел с ним короткие переговоры, в ходе которых, помимо ритуальных взаимных заверений в намерении развивать добрососедские отношения и «приводить всякую дружбу во умножение», речь пошла и о налаживании торговых связей между Кафинским эйялетом и Азовом. Когда Федор Алексеевич заявил, что османским купцам давно пора «со всякими товарами быти в Азове безо всякой боязни», поскольку российской стороной «всякое благодетельство к вам чинитца, и опасения никакова иметь не для чего», Джиянбай-ага выказал определенную настороженность по этому поводу. По его словам, их купцы смогут отправиться в Азов лишь после прибытия в Керчь российского посланника. «А ныне мы якобы в каком недоумении еще застаем», – признался он. Адмирал заверил гостя в скором отъезде дипломата и даже предупредил, что вместе с ним «чае быти там и он», но опасаться этого османской стороне не следует, ведь «то чинитца к вящей дружбе и любви». Затем посланец бейлербея затронул вопрос о русских пленных в Крыму, несомненно, волновавший его визави.

го следа в дипломатических документах Посольского приказа не оставила» [4, с. 62].

⁷ РГАВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 4, л. 9–9 об.; опубли.: 18, с. 379.

⁸ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 8, л. 1, 3.

По словам Джиянбая, около десятка русских людей, не так давно взятых в плен некоторыми «ворами», уже учтены керченскими властями и готовы к возвращению на родину, а захватившие их во время перемирия «гультияи» понесут за это жестокое наказание, «чтоб другим впредь чинить того неповадно». В конце встречи ага вручил Ф.А. Головину послание Муртаза-паши и его символические подарки: теленка, штаны с рубахой, плетёный пояс и кисет с табаком. Из Азова турок с разрешения адмирала в сопровождении А.В. Кутейникова отправился в Черкасск, чтобы выкупить там некоего пленника. Вернувшись в Керчь, Джиянбай-ага передал Муртаза-паше ответное письмо адмирала, написанное «по-татарски». Последние его строки в русском переводе были такими: «Посему здравие твое в сохранение Божие отдав, всегда буду другом твоим. Если что тебе понадобится – изволь присылать без опасения»⁹.

Показная любезность в переписке Муртаза-паши и Ф.А. Головина, на первый взгляд, заставляет усомниться в искренности взаимных заверений недавних врагов. Ведь еще три-четыре года назад Федор Алексеевич участвовал в двух осадах Азова 1695–1696 гг., а кафинский бейлербей приводил тогда из Крыма войска для защиты города [8, стб. 960, 1030; 1, с. 161, 191, 196, 197, 206–207, 214, 215]. Тем не менее, вчерашние противники на поле боя были обоюдно заинтересованы в установлении стабильных мирных отношений между Российским царством и Османской империей и, декларируя это, ничуть не кривили душой.

14 августа базировавшийся у мыса Таган (Таган-рога) российский «морской воинской караван» под командованием Ф.А. Головина, в составе десяти кораблей разного класса, двух галер, двух галиотов, трех бригантин, яхты и четырех казачьих стругов, выступил в поход. 18 августа он подошел к Керченскому проливу, где на якорях стояла разделенная на два отряда османская флотилия из четырех кораблей и девяти галер, и остановился в двух верстах от нее у правого (крымского) берега, напротив урочища Никольский Рынок – то есть мыс Святого Николая¹⁰. Приход российской эс-

---

⁹ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 8, л. 2–7.

¹⁰ Происхождение топонима связано с существовавшим в том месте в прошлом греческим (?) монастырем святителя Николая Чудотворца [РГАДА, ф. 160, оп. 1, 1703 г., д. 21, л. 3 об.; 6, с. 736, 737]. Одно из значений слова «рынок» в русской народной лексике – крутой, отвесный берег, мыс [20, с. 312; 16, с. 487–488]. Этот мыс показан на карте Азовского моря К. Отто 1700 г., а также на офорте А. Шхонебека 1704 г. [Отдел рукописей Библиотеки Российской академии наук (ОР БАН), осн. собр. рукоп. карт, № 22; 10]. В 1703 г. там началось строительство османской крепости Еникале [2, с. 136–137]. Именно ее постройкой объясняется исчезновение русского названия мыса с топонимической карты Керченского полуострова в последующее время.

кадры не стал сюрпризом для местных властей. Согласно статейному списку Е.И. Украинцева, «не доезжая того Керченского гирла версты за 2» Ф.А. Головин отправил к Муртаза-паше на шлюпке английского образца с небольшим белым знаменем группу «начальных людей» и переводчика Посольского приказа Рамазана Абдрахмановича Тевкелева, чтобы известить о прибытии посланника и своем. Именно поэтому к моменту появления российской эскадры в проливе «от Керчи по берегу и по горам выставлена была конница татарская»¹¹ [12, с. 429–431, 437–438; 4, с. 88–89].

Последнее свидетельство, попавшее в статейный список из отписки Е.И. Украинцева в Посольский приказ от 28 августа [12, с. 437–438], немного дополняют данные из записки о Керченском походе, составленной после его завершения в этом приказе. Согласно ей, поставив эскадру на якорь, Ф.А. Головин отправил со своего корабля «Скорпион» к «турским начальнейшим» Федора Матвеевича Апраксина¹² с тремя сержантами – Яковом Борзым, Михаилом Куроедовым и Василием Байшевым, и недавно уже побывавшим в Керчи толмачом А.Ф. Миушиком. Ф.М. Апраксин посетил галеру сераскира Хасан-паши – командующего османской флотилией, охранявшей Керченский пролив, и «наказанное ему при поздравлении донес»¹³ [12, с. 431]. Похоже, Е.И. Украинцев посчитал информацию о посылке Ф.А. Головиным отдельной делегации к османскому флотоводцу малозначительной подробностью и поэтому не зафиксировал ее в своей отписке, текст которой затем полностью вошел в статейный список. Так или иначе, в этих документах отмечено: вернувшись, «вышепомянутые посланные начальные люди» доложили адмиралу, «что кафинской и керчанской Муртаза-паша и другой морского каравана сераскер Гасан-паша принял их любовно и честно»¹⁴ [12, с. 438].

Вскоре после возвращения группы Ф.М. Апраксина на флагманский корабль, туда на ушкуле приехали посланцы Муртаза-паши: «знатные мурзы два человека», в том числе бешлю-ага Ибрагим-ага, в сопровождении двух слуг. Судя по тому, что они «при поздравлении спрашивали именем пославшаго своего» причину «прихода толиких кораблей», бейлербей был всерьез обеспокоен неожиданным визитом российской эскадры. Русский адмирал ответил, что «царского величества морской караван пришел к ним

---

¹¹ РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 10 об.–11 об., 15–16 об.; там же, 1699 г., д. 9, л. 96–97.

¹² На тот момент он имел чины комнатного стольника и «морского поручика» [РГАДА, ф. 154, оп. 2, д. 98, л. 18].

¹³ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 9, л. 97–98.

¹⁴ РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 16 об.

х Керчи для провоза... царского величества посланников»¹⁵, но обо всем, что касается посольства, следует обращаться к ним. Затем представителей Муртаза-паши, угостив, в сопровождении князя Ивана Юрьевича Трубецкого отпустили в адмиральской шлюпке на посольский корабль «Крепость». В тот же день, после полудня, к Ф.А. Головину и Е.И. Украинцеву пожаловали очередные посланцы бейлербея и сераскира – другой бешлю-ага Мехмед-ага, абыз и мурза, – которые объявили, что для встречи царских посланников в Керчь из Константинополя прислан капыджибаши Мехмед-ага¹⁶ [12, с. 431, 438]. Именно с ним российский посланник впоследствии и договаривался о дальнейшем следовании в османскую столицу на корабле, в соответствии с царским указом [4, с. 90, 91, 96–99].

На следующий день, 19 августа, перед полуднем на встречу с Ф.А. Головиным на трех ушкулях приехали «прежние присыльщики» Муртаза-паши и трое «изрядных» служителей Хасан-паши. Их задачей было уговорить адмирала отправить посольство в Константинополь сухим путем. На это им было сказано, «что о том належит самому послу говорить, а он, адмирал, по указу царского величества только его своим караваном до сих мест проводил, а о посольстве ево никакова указу он не имеет, и дела ему до того нет». После «некоторых разговоров» турецко-татарская делегация отправилась на корабль Е.И. Украинцева¹⁷ [12, с. 432].

20 августа «перед вечером» Ф.А. Головина посетил «прежней... Муртазин ага при двою челядниках... и сидел долго даже до вечера, и попив довольно, поехал к себе» на судне¹⁸ [12, с. 433]. Судя по контексту, речь идет о Ибрагим-аге. Цель его визита в записке о Керченском походе не указана. Следует отметить, что все дни стоянки российской эскадры в Керченском проливе кафинский бейлербей «со всеми начальными людьми» жили в поставленных на берегу шатрах и палатках «в день и по ночам без отъезду»¹⁹ [12, с. 442–443]. 22 августа²⁰ адмирал послал казака М.Ф. Кумшацкого к Муртаза-паше и Хасану-паше «просить, дабы они того дня, приехав к адмиралу на корабль с ним виделись, и он их к себе ожидать будет».

---

¹⁵ Помимо Е.И. Украинцева здесь подразумевается его помощник – дьяк Иван Прохорович Чередеев.

¹⁶ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 9, л. 97–98; там же, кн. 27, л. 16 об.–17 об.

¹⁷ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 9, л. 99.

¹⁸ Там же, л. 103.

¹⁹ РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 31.

²⁰ В документе дважды допущены описки при написании данной даты, нарушающие хронологию событий: вместо нее указано 29 августа. Но не в этот день, а 22-го числа истекла трехдневная отсрочка, о которой 19 августа капыджибаши Мехмед-ага просил Е.И. Украинцева «для управления в нуждах» перед отплытием с ним в Константинополь [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 9, л. 102, 104].

Однако вскоре после отъезда казака на море начался шторм, продлившийся три дня, «и за тою погодою те паши у адмирала не были»²¹ [12, с. 434].

Наконец, 25 августа посольский корабль «Крепость» в сопровождении двух кораблей и четырех галер османского флота последовал в Константинополь. Вскоре после этого Муртаза-паша, выехав вместе со своим родным братом во главе конного отряда из пятидесяти мурз и татар на гору напротив места стоянки российской эскадры, передал Ф.А. Головину через русских людей просьбу сойти на берег и встретится с ним. «И по тому ево прошению, – сообщается в записке, – он, адмирал, с валентеры и со служителями, на берегу был и с ним, Муртазою, виделся, которой ево принял зело любезно. И посидев... у него при некоторых разговорах с полчаса и простоя с ним, поехал к себе на карабль»²² [12, с. 434]. Анонимное частное письмо неизвестного участника Керченского похода 1699 г., датированное 1 сентября, содержит любопытные подробности этой встречи, отсутствующие в других документальных источниках. Оказывается, в ходе нее бейлербей «подарил одмирала кафтаном же золотым, а одмирал сераксеру и ему подарил по паре соболей добрых, и так любительно меж себя розъехались». Автор письма был неплохо осведомлен и, в частности, имел представление о границах административных полномочий Муртаза-паши, «которой Керчью и Тамонью владеет, а прежде сего владел Азовым и в осаде был»²³. Однако содержание беседы адмирала и бейлербея в источниках не раскрывается – вряд ли она имела большое значение.

М.М. Богословский предположил, что участниками встречи Ф.А. Головина и Муртаза-паши был сам царь, вероятно, с А.Д. Меншиковым и кем-то другим из того отряда «валентеров», который ездил за границу в 1697 г. Основанием для такого вывода послужил тот факт, что в статейном списке Великого посольства Петр I «обозначается иногда под этим названием» [4, с. 100]. Однако с данным предположением сложно согласиться.

Волонтерами (от лат. *voluntarius*, через фр. *volontaire*) в ту эпоху называли добровольцев, несущих военную службу на своем иждивении, в том числе в иностранных армиях [21, с. 43; 17, с. 114–116; 11, с. 162–164; 14, с. 49–56]. Как известно, отправившиеся в европейские страны в составе Великого посольства сорок восемь человек волонтеров (включая слуг) не были его участниками, а целью их поездки являлось получение военно-технических знаний и навыков. Членом этой группы в качестве десятника действительно был царь, скрывавшийся под именем Петра Михайлова [7, с. 272–373]. Однако в Керченском походе 1699 г. он участвовал уже в со-

²¹ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 9, л. 104–105.

²² Там же, л. 105–106.

²³ ОР БАН, осн. собр., № 17.8.27, л. 150–151.

всем иной ипостаси – капитана Петра Михайлова, командира корабля «Отворенные Врата»²⁴ [12, с. 430] (в экстракте из дневника К. Крюйса в этой связи ошибочно указан другой корабль – «Апостол Петр»²⁵). Вполне очевидно, что капитан судна не мог быть волонтером. В источниках отсутствует перечень участвовавших в Керченском походе волонтеров. Известно, что среди них был свояк царя князь Борис Иванович Куракин, находившийся на галере шаяубенахта Яна ван Рейса [9, с. 258].

Вернувшись на свой корабль, Ф.А. Головин тотчас приказал дать сигнал к отплытию, и вскоре эскадра пошла обратно к Таган-рогу, которого достигла через шесть дней – 31 августа²⁶ [12, с. 434]. На этом Керченский поход завершился.

Следующий шаг, направленный на развитие двусторонних связей в приазовском пограничье, сделал калга-султан Шахбаз-Гирей, ранее получивший соответствующий импульс от кафинского бейлербея и, вероятно, от хана Девлет-Гирея II. Сперва посланники калги Манбекут Турландин и Эсенгулт Доинкильдеев, приехавшие с Кубани в Азов 19 августа 1699 г. с группой из одиннадцати ногайцев, доставили его письмо и семерых русских пленных [3, с. 9; 13, с. 272–273, 280].

Затем 9 сентября пятнадцать торговцев во главе с армянином Мином Симоновым (Симоняном) привезли с Кубани в Азов четырех донских казаков, похищенных ногайцами на сенокосе в августе, а также передали новому азовскому воеводе боярину Степану Ивановичу Салтыкову два очередных послания Шахбаз-Гирея. Вслед за этим, наконец, было положено начало русско-турецкой торговле через Азовское море, о развитии которой радели Ф.А. Головин и Муртаза-паша. 16 и 17 сентября из Керчи в Азов на трех судах прибыли пятьдесят пять османских купцов – Халим и Мустафа «с товарищи», которые передали в приказную палату три послания кафинского бейлербея и две отписки Е.И. Украинцева (последний передал их Муртазе при отбытии в Константинополь). Поскольку в Азове тогда не имелось переводчиков с османского и татарского языков, полученные документы были отправлены в Москву и переведены уже там. Еще не зная содержания этих писем, С.И. Салтыков, выполняя распоряжение Пушкарского приказа от 3 сентября, отправил Шахбаз-Гирею 13 сентября ответное послание – его доставили возвращавшиеся на Кубань посланцы калги²⁷ [13, с. 280; 4, с. 104–105].

---

²⁴ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 9, л. 94.

²⁵ РГАВМФ, ф. 223, оп. 1, д. 4, л. 11; опубли.: 18, с. 381.

²⁶ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 9, л. 106.

²⁷ Государственный архив Воронежской области (ГАВО), ф. И-5, оп. 2, д. 168, л. 4 об.–5, 47; там же, д. 243, л. 15; РГАВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 14, л. 102 об.–105 об.

Эта наполненная любезностью переписка, посвященная нормализации торговли, возврату пленных и угнанного скота, выдаче беглых изменников и наказанию разбойников, способствовала развитию конструктивного диалога между администрацией российского Приазовья, властями Кафинского эйялета и наместниками крымского хана в Кубанской орде. Толчком к налаживанию этих связей послужили состоявшиеся летом 1699 г. в Азове и Керчи официальные контакты между адмиралом Ф.А. Головиным и бей-лербеем Муртаза-пашой, встреча которых лицом к лицу произошла лишь однажды. Во многом благодаря проведенным ими опосредованно предварительным переговорам удалось обеспечить условия для временного пребывания в Керченском проливе эскадры Азовского флота и организовать отправку российского посланника в Константинополь на российском военном корабле, что оказало определенное влияние на успех мирных переговоров.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Расспросные речи донского казака А.В. Кутейникова, вернувшегося в Азов из поездки в Керчь. 1699 г., около 18 июля.

(Л. 1) А приезжей ис Керчи донской казак Алексей Кутейников ропрашиван. А в роспросе сказал:

С присланными от керченского Муртазы-паши татарами, которые приезжали в Азов с соответствующим листом к адмиралу Федору Алексеевичю Головину, приехал де он, Алексей, в Керчь в июне месяце, а в которм числе – не упомнит. И как он, Алексей, в Керчь приехал, и того де часа по доношению тех татар взял ево паша перед себя, и спрашивал про здорovie адмирала Федора Алексеевича. И присланные к нему соболи принял он, паша, благодарно, и того ж числа приказал зделать себе ис тех соболей шапку. А отпустя, велел ево поставить подле себя в другой избе, и приказал ему ходить везде повольно. Морских судов он в нынешнею поездку никаких не видал, а видел в первую поездку, как посылан был с капралом Федором Молчановым, под Керчью четыре карабля, величиною они будут з здешней старой карабль²⁸, в том числе один с лесом, да девять катарг меньши здешних азовских²⁹, да четыре шайки – торговые малые карабли. А про воинских де людей слух носитца такой, что будет на караблях и на ка-

---

²⁸ Вероятно, подразумевается трехмачтовый 36-пушечный фрегат «Апостол Петр», построенный для осады Азова 1696 г. и находившийся с тех пор в регионе.

²⁹ *Вписано над строкой.*

таргах на каждом судне человек по четыреста, на малых – по двести, потому что де он сам на них не был. И ныне де о тех судах сказывают, что они стоят под Темрюком. Словесной приказ от Муртазы-паши был ему такой: чтоб поклонитца адмиралу Феодору Алексеевичю за дары, и велел донести о том, что они ожидают к себе посланник непрестанно, для того и торговых своих людей он не пропускает, и о заказе крепком, которой они учинили во всех ордах, чтоб татары отнюдь ни тайной, ни явной причины к войне не давали, указы розосланы.

РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 8, л. 1. Подлинник.

№ 2

Запись переговоров адмирала Ф.А. Головина с посланцем кафинского бейлербея Джиянбай-агой. 1699 г., 18 июля.

(Л. 4) 207-го июля в 18³⁰ день был у адмирала Федора Алексеевича Головина кафинского Муртазы-паши присланной Жиенбай-ага на разговоре.

А как вошел в будару, посажен по обычаю. Вначале спрашивал адмирал о здоровье Муртазы-паши.

Присланной соответствовал, что он в добром здравии, и после того говорил: «Ваша милость, господине адмирале, пребывание имеешь в Азове, а Муртаза-паша в Керче, надобно де между вами быти доброй дружбе».

А адмирал отвечал, что он с своей стороны всякого добра ему, Муртазе, рад и желатель, и та дружба умножится, тем он обнадеживает совершенно.

Посланной говорил: не токмо де Муртаза-паша на свою душу всякую правду с своей стороны чинить будет, но и он, присланной, своею душою тож засвидетельствует, и будут приводить всякую дружбу во умножение.

Адмирал говорил: достоит де уже давно с вашей стороны со всякими товары быти в Азове безо всякой боязни, понеже сами видите, что с нашей стороны всякое благодетельство к вам чинитца, и опасения никакова иметь не для чего.

Посланной отвечал: «У нас дожидаютца вашего посла со всякою готовностию к приему ево. И когда он у нас будет, и тогда безо всякого опасения всякие товары что имеем, также и кои наши купцы к вам ³¹–поедут и товары ³¹–повезут. А ныне мы якобы в каком недоумении еще застаем».

---

³⁰ Здесь и далее в документе числа кириллические. 18 июля 7207 г. от сотворения мира соответствует 18 июля 1699 г. от рождества Христова.

^{31–31} *Вписано над строкой.*

Адмирал говорил: «Государя моего милостивого, Его царского величества посланник скоро отсюда из Азова к вам в Керчь отпущен будет, (Л. 5) а чаёт быти там и он, адмирал, и чтоб они никакова опасения в том не имели, и то чинитца к вящей дружбе и любви.

Присланной говорил, что они опасение якобы отложили уже, только еще с товарами не собралися, а когда зберутся, безопасно придут. А наипаче слыша от него, господина адмирала, любительное обнадеживание, будут безпечны, и царского величества посланника ожидают со всякою радостью.

Адмирал, паки подтвержая, говорил, что с стороны царского величества всякая справедливость учинена будет – тем он истинно обнадеживает.

Присланной говорил: от некоторых де гультьев, или воров, взято в полон русских людей человек з 10 не в давном времени, но те взятые люди и с пожитками их все переписаны и готовы к отдаче. А ворам они учинят за то жестокое наказание, чтоб другим впредь чинить того не повадно.

А адмирал говорил: «Царское величество, государь мой милостивой, посылать изволяет посланника своего, также и иных своих посланных не для неприятства, но для самой дружбы и любви, и хочет впредь умножить с салтановым величеством и с Муртазою-пашею всякую дружбу и приятство, то б они подлинно ведали».

Присланной говорил: доносит он ему, господину адмиралу, что прислан к ним от салтанова величества с великим подкреплением указ, в котором написано, чтоб им, конечно, никаких задоров и набегов в сторону царского величества не чинить, и довольствоваться каждому своим, чем кто владеет.

Адмирал на сие отвечал: то есть доброе дело, и с стороны царского величества то ж учинено будет, и уже (Л. 6) чинитца, как они видят о том не на словах, но на деле явное свидетельство.

Потом посланной поднес адмиралу Муртазы-паши подарки – сорочку с порты, да 3 полотенца и табаку свяску и ³²-прочая⁻³², – и при том оговаривался, чтоб те малые пашины подарки изволил принять для дружества и приятства.

И адмирал, приняв подарки, соответствовал: благодарит он Муртазе-паше за подарки, а посылал он к нему посыльщика не ради подарков, но ради умножения впредь большия дружбы междо обоими народы. Однако ж принимает те подарки любительно, и должен за те подарки и сам воздать, чем случитца. И что де впредь понадобится Муртазе-паше, и он бы о том к нему приказывал, и по прошению ево учинить что случно прикажет.

---

³²⁻³² *Вписано над строкой.*

И потом посланной отпущен и, встав, говорил, чтоб он отпущен был к Муртазе-паше без задержания.

И адмирал сказал, что он отпущен вскоре будет с письмом к Муртазе-паше.

Потом присланной упоминался о окупе за³³ полоняника, которой обретается в Черкасском, и чтоб ему для той sprawy ехать в Черкасской. И адмирал ему с казаком Алексеем³⁴ ехать в Черкасской для той sprawy поволит.

Присланной же обещал адмиралу в подарках прислать добрую лошадь, и адмирал ему за то благодарствовал и от себя отпустил.

РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1699 г., д. 8, л. 4–6. Подлинник.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аваков П.А. «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII века. СПб.: Историческая иллюстрация, 2022. 800 с.

2. Аваков П.А. «Превеликой имеют страх от московской военной флоты»: Керченский пролив и русская разведка в начале XVIII века // Родина. 2014. № 7. С. 135–138.

3. Аваков П.А. У истоков российской пограничной дипломатии в Крыму: Миссия подьячего Алексея Рудеева в Кафе в 1701 г. // Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д.: изд-во Южн. фед. ун-та, 2014. С. 7–20.

4. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 4. Л.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1948. 514 с.

5. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 5. Л.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1948. 312 с.

6. Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии: [в 3 т.] / пер. с гол. яз. В.Г. Трисман; ред. и науч. рук. Н.П. Копанева, Б. Наарден. Т. 2. Амстердам: Pegasus, 2010. С. [1–2]. 623–1226.

7. Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 696 с.

8. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его императорского величества канцелярии. Т. 4. СПб.: тип. II отд-ния Собств. его имп. вел. канцелярии, 1855. II с., 1158 стб.

---

³³ Вписано между слов.

³⁴ Кутейниковым.

9. Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная (1676–1709) // Архив князя Ф.А. Куракина, издаваемый им под редакцией М.И. Севского. Кн. 1. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1890. С. 241–287.

10. Изображение оказания морских берегов, начинающаяся от Азовского моря даже до Константинополя, доколе, по указу Его державнейшаго ц[а]рского величества, розведаны и назнаменены суть порутчиком и штурманом Хр[и]стианом Отгом в лето 1700, и на меди gryдорованно Адрианом Шхонебеком на Москве 1704 го[ду]. М., 1704 (Российская национальная библиотека. Отдел картографии. К 1-Чер 4/10).

11. Ильина Ю.Н. Значение и употребление слов доброволец и волонтер в русском языке (по данным Национального корпуса русского языка) // Научный диалог. 2019. № 10. С. 159–171. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-159-171.

12. История русского флота: Период азовский: Приложения / сост. С.И. Елагин. Ч. 1. СПб.: тип. Г.В. Гогенфельдена и К°, 1864. [2]. XIX, [3]. 515 с.

13. К истории колонизации Азовского побережья: Азовские дела по сношению с Крымом и Кубанью (1698–1701), хранящиеся в Историческом архиве Таврической Ученой архивной комиссии / публ. Г.В. Вернадского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 57. Симферополь: тип. Тавр. губ. земства, 1920. С. 249–296.

14. Малышев А.А. Какими были российские волонтеры XVIII века (исторические корни лексемы волонтер в русском языке) // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 5. 2022. С. 43–60. DOI: 10.30842/26583755202203.

15. Медик Х. Микроистория // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем: Альманах. Т. 2. Вып. 4. М.: Начала-Пресс, 1994. С. 193–202.

16. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 654 с.

17. Ноздрин О.Я. Европейские волонтеры русской армии XVIII века // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Материалы второй международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 2. СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. С. 114–121.

18. Первый поход на Азовское море, 1699 года: по журналу вице-адмирала Крюйса // Записки Гидрографического департамента Морского министерства, издаваемые с высочайшего разрешения. Т. 8. СПб.: Морск. тип., 1850. С. 367–394.

19. Письма и бумаги императора Петра Великого / ред. А.Ф. Бычкова. Т. 1. СПб.: Гос. тип., 1887. XXII, XXXII, 888, LI с.

20. Словарь русских народных говоров. Вып. 35 / сост. Н.И. Андреева-Васина и др. СПб.: Наука, 2001. 360 с.

21. Словарь русского языка XVIII века / сост.: Ю.А. Березина и др.; гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 4. Л.: Наука, 1988. 256 с.

22. Silâhdar Findıklılı Mehmet Ağa. Nusretnâme: İnceleme – metin (1106–1133/1695–1721) / haz. M. Topal; ed. M. Doğan. Ankara: Türkiye Bilimler Akademisi, 2018. 1272 s. (Türk-İslam Bilim Kültür Mirası Dizisi. 23. [Sayı]).

Сведения об авторе: Аваков Петр Ашотович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук» (344006, пр. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, Российская Федерация); pavakov@mail.ru

Russian-Turkish Official Contacts in the Azov Sea Region in the Summer of 1699 (to the Prehistory of the Mission of Envoy Extraordinary Yemelyan Ukraintsev)

Piotr Avakov

*Federal Research Centre the Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences*

Abstract. The article examines official contacts between the Russian Tsardom and the Ottoman Empire in the Sea of Azov Region during the preparation of the embassy of Y.I. Ukraintsev to Constantinople in 1699. The parties were represented by officials who did not have diplomatic status: Admiral F.A. Golovin, who arrived in Azov and the Beylerbey of Kefe Tatar Murtaza Pasha, who was in Kerch. The Azov Palatine (Governor) participated in organizing communication between them, within the framework of the so-called border diplomacy. The Armistice of Karlowitz established in 1699 and the mutual hope for concluding a long-term peace served as a favorable background for the development of bilateral relations at the local level. It is shown that, largely thanks to successfully conducted negotiations, including through envoys and correspondence, the admiral and the beylerbey managed to organize a temporary stay in the Kerch Strait for a squadron of the Azov Fleet and the dispatch of a Tsar's Envoy to Constantinople on a Russian warship. The source base for the study consisted mainly of archival documents, some of which were introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Russian-Turkish relations, the Armistice of Karlowitz of 1699, Azov, Kerch, Eyalet of Kefe, F.A. Golovin

For citation: Avakov P.A. Russian Turkish Official Contacts in the Azov Sea Region in the Summer of 1999 (to the prehistory of the Mission of Envoy Extraordinary Yemelyan Ukraintsev). *Krymskoe Istoricheskoe Obozrenie = Crimean Historical Review*. 2023, no. 2, pp. 10–28. DOI: 10.22378/kio.2023.2.10-28 (In Russian)

Financial Support: The reported study was funded by government assignment of Southern Scientific Centre of the RAS for 2023 (project ‘Political and Socio-Cultural Processes in the South of Russia in the Context of Modernization (17th and 21st Centuries)’, no. 122020100347–2)

REFERENCES

1. Avakov P.A. «Azovskiy proekt» Petra I, Severo-Vostochnoe Priazov'e vo vneshney i vnutrenney politike Rossii kontsa XVII – nachala XVIII veka [The “Azov Project” of Peter the Great, Northeastern Sea of Azov Region in Russia’s Foreign and Domestic Politics in the Late 17th and Early 18th Centuries]. St. Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya Publ., 2022. 800 pp. (In Russian)
2. Avakov P.A. «Prevelikoy imeyut strakh ot moskovskoy voennoy floty»: Kerchenskiy proliv i russkaya razvedka v nachale XVIII veka [“They are very afraid of the Moscow Navy”: the Kerch Strait and Russian intelligence at the beginning of the 18th Century]. *Rodina*. 2014, no. 7, pp. 135–138 (In Russian)
3. Avakov P.A. U istokov rossiyskoy pogranichnoy diplomatii v Krymu, Missiya pod'yachego Alekseya Rudeeva v Kafe v 1701 g. [At the Origins of Russian border diplomacy in the Crimea, the mission of Clerk Alexey Rudeev to the Caffa in 1701]. *Granitsy i pogranich'e v yuzhnorossiyskoy istorii, Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 26–27 sentyabrya 2014 g.)* [Borders and Borderlands in South Russian history, Materials of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, September 26–27, 2014)]. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press, 2014, pp. 7–20 (In Russian)
4. Bogoslovskiy M.M. Petr I, Materialy dlya biografii [Peter I, Data to the Biography]. vol. 4. Leningrad: OGIZ, Gospolitizdat, 1948, 514 p. (In Russian)
5. Bogoslovskiy M.M. Petr I, Materialy dlya biografii [Peter I, Data to the Biography]. vol. 5. Leningrad: OGIZ, Gospolitizdat, 1948, 312 p. (In Russian)
6. Witsen N. Severnaya i Vostochnaya Tartariya, vklyuchayushchaya oblasti, raspolozhennye v severnoy i vostochnoy chastyakh Evropy i Azii [North and East Tartary, which includes the regions located in the Northern and Eastern Parts of Europe and Asia]. tr. V.G. Trisman; ed. N.P. Kopaneva, B. Naarden, vol. 2. Amsterdam: Pegasus Publ., 2010, pp. 1–2, 623–1226 (In Russian)
7. Guzevich D.Yu., Guzevich I.D. Velikoe posol'stvo, Rubezh epokh, ili Nachalo puti, 1697–1698 [The Great Embassy: the Eras Boundary or the Beginning of the Journey, 1697–1698]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2008, 696 pp. (In Russian)
8. Dvortsovye razryady, po vysochayshemu poveleniyu izdannye II-m otdeleniem Sobstvennoy Ego imperatorskogo velichestva kantselyarii [Palace Razryads, published by the 2nd Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery by the highest order]. Vol. 4. St. Petersburg, Printing House 2nd Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1855, II pp., 1158 columns. (In Russian)
9. Zhizn' knyazyza Borisa Ivanovicha Kurakina, im samim opisannaya (1676–1709) [The life of Prince Boris Ivanovich Kurakin, described by himself (1676–1709)]. *Arkhiv knyazyza F.A. Kurakina, izdavaemyy im pod redaktsiey M.I. Semevskogo* [Ar-

chive of Prince F.A. Kurakin, published by him under the editorship of M.I. Semevsky]. Vol. 1. St. Petersburg: V.S. Balashev Printing House, 1890. Pp. 241–287. (In Russian)

10. Izobrazhenie okazaniya morskikh beregov, nachinayushchayasya ot Azovskago morya dazhe do Konstantinopolya, dokole, po ukazu Ego derzhavneyshago tsarskago velichestva, rozvedany i naznameneny sut' porutchikom i shtyurmanom Khristianom Ottom v leto 1700, i na medi grydorovanno Adrianom Shkhonebekom na Moskve 1704 godu [An image of the provision of sea shores, starting from the Sea of Azov even to Constantinople, until, by decree of His most Powerful Tsarial Majesty, the was explored and marked by lieutenant and navigator Christian Otto in the summer of 1700 and engraved on copper by Adrian Schonebeck in Moscow 1704]. Moscow, 1704 (Russian National Library. Department of Cartography. K 1-Cher 4/10). (In Russian)

11. Il'ina Yu.N. Znachenie i upotreblenie slov dobrovolets i volonter v russkom yazyke (po dannym Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Meaning and Use of the Words dobrovolets and volunteer in the Russian Language (according to the Russian National Corpus)] Nauchnyy dialog, 2019, no. 10, pp. 159–171. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-159-171 (In Russian)

12. Istoriya russkogo flota, Period azovskiy, Prilozheniya [History of the Russian Navy: The Azov period: Appendices]. comp. S.I. Elagin, pt. 1. St. Petersburg, Printing House of Gogenfelden and K°, 1864, [2]. XIX, [3]. 515 pp. (In Russian)

13. K istorii kolonizatsii Azovskogo poberezh'ya: Azovskie dela po snosheniyu s Krymom i Kuban'yu (1698–1701), khranyashchiesya v Istoricheskom arkhive Tavricheskoy Uchenoy arkhivnoy komissii [On the history of the colonization of the Azov coast: Azov affairs on relations with Crimea and Kuban (1698–1701), stored in the Historical Archive of the Tauride Scientific Archival Commission]. ed. G.V. Vernadskiy. Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii [Proceedings of the Tauride Scientific Archival Commission]. vol. 57. Simferopol: Printing House of the Tauride Governorate zemstvo, 1920, pp. 249–296 (In Russian)

14. Malyshev A.A. Kakimi byli rossiyskie volonteryy XVIII veka (istoricheskie kor-ni leksemy volonter v russkom yazyke) [What were the Russian volunteers of the 18th Century (historical roots of the lexeme volunteer in Russian)]. Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya [Slavic historical lexicology and lexicography]. Iss. 5, 2022, pp. 43–60. DOI: 10.30842/26583755202203 (In Russian)

15. Medick H. Mikroistoriya [Microhistory]. THESIS, Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem: Al'manakh [THESIS, Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems]. Vol. 2, iss. 4. Moscow: Nachala-Press, 1994. Pp. 193–202. (In Russian)

16. Murzaev E.M. Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow: Mysl' Publ., 1984. 654 pp. (In Russian)

17. Nozdrin O.Ya. Evropeyskie volonteryy russkoy armii XVIII veka [European volunteers of the Russian Army of the 18th Century]. Voyna i oruzhie, Novye issledovaniya i materialy, Materialy vtoroy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 ch. [War and Weapons, New Research and Materials, Proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference, in 2 vols.]. Pt. 2. St. Petersburg: VIMAIViVS, 2011. Pp. 114–121. (In Russian)

18. Pervyy pokhod na Azovskoe more, 1699 goda, po zhurnalul vitse-admirala Kryuysa [The first trip to the Sea of Azov, 1699, according to the Journal of Vice Admi-

ral Cruys]. Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva, izdavaemye s vysochayshego razresheniya [Notes of the Hydrographic Department of the Maritime Ministry, published with the highest resolution]. Vol. 8. St. Petersburg: Maritime Printing House, 1850. Pp. 367–394. (In Russian)

19. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. Ed. A.F. Bychkov, vol. 1. St. Petersburg: State Printing House, 1887. XXII, XXXII, 888, LII pp. (In Russian)

20. Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 35, comp. N.I. Andreeva-Vasina and others. St. Petersburg: Nauka, 2001. 360 p. (In Russian)

21. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Comp.: Yu.A. Berezina and others; Ch. ed. Yu.S. Sorokin, iss. 4. Leningrad: Nauka, 1988. 256 p. (In Russian)

22. Silâhdar Findiklî Mehmet Ağa. Nusretnâme: İnceleme – metin (1106–1133/1695–1721), haz. M. Topal, ed. M. Doğan. Ankara: Türkiye Bilimler Akademisi, 2018, 1272 s. (In Turkish and Ottoman)

About the author: Pyotr A. Avakov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (344006, Chekhov Prospect, 41, Rostov-on-Don, Russian Federation); pavakov@mail.ru